

Синдром Мюнхгаузена

Кароліна Тимків

Многотрудное Интервью

I

-Ты, знаешь, мне сегодня такой странный сон снился, — сидя на пуфике в спальнной комнате, ярко освещенной ослепительным зимним солнцем, оторвавшись от Корнеля, начала рассказывать моя старшая сестра. — Представь, Горбушин приснился! Да нет... Вообще-то не он сам снился, а про него... Да и как-то странно... Вроде бы я пришла в школу, там меня встретил какой-то дяденька. Вроде, наш профессор Шляр. Он говорит: "Оля, я знаю, ты брала интервью у Горбушина. Мне позарез нужен его телефон". И я ему его даю, а он такой довольный. Чего мне снилось про этого Горбушина? Ведь, когда это было? Весной мы с ним встречались... — сестра умолкла и опять уставилась в Корнеля.

Я же сидела с противоположной стороны от нее и читала "Дон Кихота", через четыре дня у нас должен был быть экзамен по зарубежной литературе. Наш профессор Шляр совсем озверел и задал на экзамен столько перечитать, что волосы становились дыбом. "Это какой-то ужас! Он, что сдурел? Разве раньше не мог дать нам этот список?" — воскликнула я, как только увидела экзаменационные билеты по зарубежной литературе. Но делать было нечего, и на протяжении четырех дней, изредка появляясь на улицу, мы с сестрой упорно готовились к экзамену. Надо отметить, что учились мы в одном Вузе, на одном и том же факультете, на одном курсе и в одной (о, фантастика!) группе. Как так сложились? Элементарно! Оля старше меня ровно на 11 месяцев, в первый год не поступила, зато во второй год мы поступили вместе!!!

-Слушай, а что если мне позвонить Горбушину? Может, он, наконец, согласится? — Воскликнула я так, будто меня осенила гениальнейшая мысль.

-Попробуй. — Равнодушно ответила Оля.

Через несколько минут с трепетом и волнением я набирала номер Горбушина. Раздались длинные гудки. Пи-и-и... Я заволновалась, как обычно, когда делаю подобные звонки. Наконец на том конце сняли трубку.

-Здравствуйте. А Алексея можно?

-Он спит. Попробуйте перезвонить через час, — сонным голосом ответила девушка.

— Представляешь, он дома и спит! — возбужденно рассказывала я сестре. — Полгода его вызваниваю, а этого гада дома застать невозможно, все в каких-то разъездах. Он дома и спит!!! Нет уж, теперь он непременно согласится! Это я тебе обещаю.

Оля радостно созерцала мое боевое настроение и тихо улыбалась.

-Видишь, не зря мне сегодня снилось.

Через час я дозвонилась до Горбушина.

-Алло...— раздался грубый недовольно-сонный бас в трубке.

-Здравствуйте. Это вас беспокоит корреспондентка из газеты "КВ". Мне бы хотелось взять у вас интервью, — бодренько залепетала я. С той стороны провода молчали, я понимала, что он соображает.

-Хорошо. А что это за газета такая?

-Да, как же это вы не знаете "Киевские вести"? У нас тираж 500 тысяч! — деловито завозмущалась я.

-Ладно... Я прессу не очень-то читаю. Давайте завтра встретимся. У меня репетиция с группой будет. И где-то в промежутках между репетицией поговорим. В клубе "АК". Знаете, где находится?

-Да, да.

-А как вас зовут?

-Каролина, — самодовольно пролепетала я.

-Необычное имя.

И тут я уже совсем некстати выпалила эту дебильную фразу: "Я знаю". Он немножко смутился, наверное, подумал, что там сидит полная дура.

Как мало человеку нужно для счастья! Горбушин согласился со мной встретиться! Значит, я запишу интервью, и у меня будут деньги! Откинув все книжки и экзаменационные билеты к черту, я начала обдумывать, о чем бы таком интересном поговорить с ним.

На следующий день к четырем часам я была уже полностью готова. Макияж был сделан самым тщательнейшим образом. Глаза аккуратно подкрашены темными тенями, ресницы старательно подведены тушью, губы сияли нежно-розовым блеском, а я источала приятный аромат свежих, немножко резких духов. Не понятно, почему сегодня, я оделась во все черное, но в этом было нечто стильное, ну знаешь, модельеры это еще называют "юношеский максимализм". Да, это очень применимо ко мне, к восемнадцатилетней девчонке. Я долго крутилась перед зеркалом, любовалась своим отражением. Хорошо ли выгляжу? "Вроде ничего..."— самодовольно восклицал внутренний голос. "Хорошо— с... Хорошо-с..."

Вот уже пятнадцать минут я, озябая от холода, ходила туда-сюда возле клуба "АК". По сути, это был не клуб, а кинотеатр "Октябрь". В помещении этого кинотеатра и находился клуб "АК". Нервно разбрасывая ногами слегка оттаявший снег, я наматывала пятый круг вокруг обезвоженного, мертвого в холодное время года фонтанчика перед кинотеатром. Уже давно зажглись ночные фонари, которые, наверное, втайне ласково улыбались и искренне сочувствовали моему долгому ожиданию. Сумерки становились с каждой минутой все гуще и темнее. Ненавижу ждать! Жуткое дело — ждать! Мерзко! Холодно! "Ладно, пойду в помещение!"— злобно решила я и вошла в кинотеатр. В вестибюле было полно народу, ожидающих начала киносеанса. Я уселась в мягкое пурпурно-красное кресло. Здесь ждать было гораздо удобней и теплей.

На электронных часах, которые висели по правую руку от меня, большими, ярко-зелеными цифрами высветило 18:20. Что он себе думает? А может, он и вовсе сюда не придет? Я попусту трачу время! А ведь через три дня экзамен! Что же я буду делать? Завалю его нафиг!

Наконец!

-Да! Да! Ну, я же говорил! Да! — раздался в небольшом коридоре кинотеатра грубый, громкий голос Горбушина, который я бы никогда в жизни не спутала ни с чьим другим. — А почему ничего не готово? Что это такое? — нервно жестикулируя руками, с гитарой в чехле на спине, которая казалась невероятно громадной в сравнении с его невысоким ростом и худой фигурой, проходя мимо меня, басил Горбушин какому-то высокому художавому типу с длинными, завившимися волосами. Горбушин даже не взглянул в мою сторону.

"Ну, вот он появился! На мою голову... чтоб его... Не хочется, а нужно идти! Он же такой, такой... С ним так не просто!" — с кислой миной размышляла я, следуя за Горбушиным, при этом стараясь идти на таком расстоянии, чтобы он меня не заметил.

В зале было темно, только большой круглый шарик, обклеенный маленькими стеклышками, без остановки вращался, оставлял на полу разорванные светлые, бегающие туда-сюда блики. Мне бросился в глаза большой деревянный стул, обтянутый со всех сторон громадной, толстой цепкой, вверху над стулом возвышалась металлическая окольцовка для головы. Стул светился зелеными электрическими огоньками тоненького цветного провода, которым тщательно был обмотан со всех сторон. "А, электрический!" — с глупой ухмылкой сообразила я. "Смешно! Ха-ха... Тоже мне шутники" Еще запомнилась серебристого цвета афиша, где громадными красными буквами было написано: "Клубу "АК" три года. Ждем вас!".

Горбушин с группой распевал в другом зале. Дверь была открыта и я замечательно видела, как он, внимательно рассматривает меня. Что-то внутри опустилось.

-А, Каролина! — громко воскликнул он, когда я чуть ближе подошла. — Ты зря пришла! Я "КВ" интервью не даю!

В этот момент надо было видеть мое лицо! Нет, это было не лицо, это была удивленная гримаса, выражающая полное недоумение. "Мне не прислышалось? Вот, урод!" — как молния пронеслось в моей голове, вслух я лишь удивленно протянула:

-Ка-а-ак?

-А вот так, не даю и все! "КВ" не даю! Эта газета — полное фуфло! Дал я там интервью одной своей знакомой, так потом такого понаписывали! У вас редактор, блядь, — придурок! — нервно расхаживая вокруг меня и потрясая мобилкой, не говорил, а почему-то раздраженно кричал Горбушин.

Я же смотрела на его маленькую худенькую фигурку, напоминающую мне до боли конька-горбунка, с таким отвращением и ненавистью, что этого трудно было не заметить.

-Да, что это такое? Я же вам вчера позвонила, мы договорились! К тому же

редактор у нас поменялся! К тому же я договариваюсь с вами с сентября месяца, где-то уже полгода звоню вам. Без вашего согласия не отдам в печать и гарантирую, что там ничего не изменят! — доказывала я Горбушину.

Он меня замечательно слышал, но упорно пер свое!

-Я "КВ" не даю! Ты слышишь, я дал интервью своей знакомой из этой газеты, так потом ничего приятного не было. Да и у меня времени нет, — после этих слов он круто развернулся и пошел куда-то, я упорно стояла и совсем не думала тронуться с места. "Не уйду отсюда, пока нормально не поговорю с ним!" — твердо решила я. То ли мой жалкий вид, то ли мой "нежный возраст" и неопытность смягчили сердце Горбушина, но через пару минут, вернувшись ко мне, он уже более спокойным тоном пообещал:

-Ладно. Сейчас минут десять поговорим. И хватит!

Я равнодушно смотрела на него. "Видите ли, он делает мне великое одолжение! Подонок!"

Тяжелый тип этот Горбушин. Сам он любит повторять: "Жизнь меня мотала!" Поэтому с людьми он порой чересчур груб, резок, но почти всегда справедлив. Окончив театральный институт, кем он только не работал. И актером, и шафером, и монтером декораций, и ведущим на радио, на телевидении, а вот с недавних пор организовал свою группу и поет в ночном клубе. Хотя, по правде сказать, мне совершенно не понятно, зачем ему это нужно. Ведь благодаря своей недавней работе в одном из нашумевших телесериалов, его приглашали сниматься в Москву, он играл ведущие роли в спектаклях О.М., очень известного актера.

Мы зашли в небольшое помещение, я моментально опустилась на мягкий коричневый диван и быстренько вытянула из сумочки диктофон, нажав две заветные кнопки. Но вместо нормального разговора довелось выслушать быстрый, как лавина, непрекращающийся поток недовольствий и возмущений Горбушина:

-Понимаешь, эта ваша газета — полное фуфло! Все многотиражки — фуфло! Разве это пресса? Но против тебя, Каролина, я ничего не имею! Дал интервью своей знакомой, поизменяли так... Потом все друзья читали и смеялись. Хотя мне абсолютно все равно. Вообще мне читателям нечего сказать, кроме того, что выходит моя новая картина и...

И пошло. Мне даже вопросов задавать не пришлось, он говорил все сам. Говорил, говорил, а я, затаив дыхание, старалась в тему, улыбаться или сокрушенно покачивать головой, о чем-то спрашивать, только, чтобы он побольше мне всего натрындел. Так мы проболтали минут двадцать. Наконец он спохватился!

-Слушай, я сейчас попою, прорепетирую с ребятами, ты послушай. Потом продолжим! Может, еще напиши о том, как я пою...

Надо отметить, что особого таланта к пению у Горбушина не было. Мне даже смешно становилось смотреть на то, как сорокалетний, солидный мужик с известным именем строит из себя музыканта! Пытается петь без голоса и слуха, под бешеный грохот барабанов и нежную игру двух девочек-скрипачек. "Он, что не понимает, что каждому свое? Снимается себе в фильмах, ну и пусть бы снимался! Так нет петь

захотелось! Мудак, не позорился бы!" — презренно размышляла я. "Вот тебе и журналистика! Это только начало! А что дальше будет? КВ" — фуфло! Хорошо так говорить! А если мне там деньги платят?" — роились лихие мыслишки в моей голове. В принципе, я даже не работала в этой газете, лишь где-то раз в месяц приносила по две-три статьи в редакцию и получала за это, как для студентки, приличные деньги.

-Весело идем по свету... Йо-йо-йо! — громко кричал со сцены Горбушин, пытаясь изобразить из себя коня, как в мультике "Бременские музыканты". Я улыбалась...

В промежутке между одной из песен Горбушин подбежал ко мне и ткнул в руку две карточки. Я даже не успела его поблагодарить, как он опять очутился на сцене. Это были приглашение в клуб на завтрашнее празднование трехлетия "АК". Потом он опять подбежал ко мне и мы снова записывали интервью.

Домой я вернулась довольная, с массой новых впечатлений. Долго-долго я рассказывала в этот вечер Оле о своем многотрудном интервью с Горбушиным. Но главное — я его все-таки записала!

Клубная ночь

II

Мы только что покинули метро и пытались сориентироваться, как правильно выйти из подземного перехода.

-Сюда! Сюда! — доказывала мне Оля. — Ну, куда ты поперла?

Я молча, повинувшись ее решительности, последовала к указанному выходу. Начали подниматься по высокой лестнице. Внезапно на ступеньках показался придурок со спущенными штанами и блаженной лыбой. Дрочил гад, еще и лыбился, глядя нам прямо в глаза!

Реакция была моментальной — мы шарахнулись от него в противоположную сторону и побежали изо всех сил. Страшно все-таки, поздно, в переходе никого. Но когда мы, наконец, выбрались из этого чертового перехода и очутились на более-менее людной улице, меня затошнило.

-Недоносок! Ничего так хорошенькое начало клубной ночи! — нервно рассмеялась Оля. Похоже, ей было точно так же гадко, как и мне. Мы закурили, чтобы отвязаться от неприятного впечатления.

-И как ему не холодно? Черт его знает! Но мы явно не туда пошли.

У входа в клуб, парковались машины, народ потихоньку собирался, доносились звуки музыки и громкий смех. В самом помещении туса шла уже во всю. "Однако, живенько тут сейчас!" — размышляла я, вспоминая, как малоллюдно и относительно тихо было здесь вчера. На небольшом танцполе вплотную танцевала молодежь, но видны были и упитанные фигуры тридцатилетних мужиков. Дело в том, что в этом клубе собиралась довольно специфическая публика. Специфика же ее заключалась в неимоверно толстом кошельке. Вот и приходили сюда в основном дядьки с толстыми кошельками и подобными фигурами, или тусовались бабы-стервы с жирными слоями пудры и приблизительно такими же задницами в поисках развлечений, естественно, имея на это достаточную сумму денег в элегантной сумочке, скажем, от "VERSACHE"

или от "ISL", или, или, или... да какая разница, в прочем? Одни мажоры! Да и что здесь делать таким бедным студам, как, скажем, я и Оля, когда вход на сегодняшнюю вечеринку от пятидесяти гривен? А у тебя денег — ни хуя! Домой ехать... Так придется ждать шести часов, пока не откроется метро.

Оля принесла мне бокал шампанского, благо оно было сегодня в честь праздника бесплатным, и я медленно потягивая его, прискорбно размышляла о том, зачем вообще поперлась в этот клуб. Сестра не парилась, как я, и уже успела раззнакомиться с какими-то двумя чудаками. Я же никак не могла расслабиться, напрягала меня страшно эта нездоровая мажорная атмосфера.

В это время на сцене появился Горбушин. Он был смешон и жалок в своем сценическом костюме клубного мальчика. Глядя на него, я горько улыбнулась. Синенькая, расстегнутая рубашонка, висящая на его худощавом теле, словно на вешалке, непонятно каким образом подобранная, большая, красная кепка блином, зелено-салатовые очки, ужас!!! Потом этот модный молодежный походон! Мужичу сорок лет! Он актер с именем! Н-да... Наверное, я чего-то не понимаю в этом мире! Горбушин запел. По моему наблюдению, народу нравилось. Кто-то радостно выкрикивал: "Еще!", кто-то неистово прыгал под его музыку. Все это был пьяный, жаждущий развлечений народ, я же непрерывно пила спиртное и вскоре почувствовал легкий хмель в голове, немного расслабилась, отбросила свои никому не нужные размышления и пошла танцевать. Когда я наплясалась вдоволь и немного устав, решила отдохнуть на своем прежнем месте, оно оказалось занятым. Пришлось искать другое...

-Это место свободно? — громко спросила я у какого-то мужика, одиноко сидящего возле свободного стула.

-Да... Садись! — широко заулыбавшись ответил он.

Чувачок этот сразу мне напомнил репера-скандалиста Эминема. Словно его старший брательник, ну лет эдак на шесть старше. Естественно старшинство отразилось во внешности. Незнакомец не красил волосы, не носил сережек в ушах, прикид его был не такой уж отъявленно реперский, скорее даже голярский (до сих пор не могу понять на фига он одел жилетку очень похожую на охотничью). Ну, и лицо, конечно. Более серьезное, умудренное жизнью, с морщинками у глаз. Да и, не смотря на то, что я была тогда, мягко говоря, не совсем трезва, мне сразу же не понравился его взгляд. Какой-то он у него тяжелый, оценивающий и пробирающийся к тебе вовнутрь.

-Юра! — сказал он, протянув мне руку.

Я пожала его руку и, загадочно улыбаясь, ответила:

-Каролина.

"И все-таки я его где-то видела. Только вот где? Ну, ни Эм же он в конце концов" — весело мутилось у меня в голове.

-Ты учишься?

-Ага! В Шевченко! А ну-ка, угадай, на каком факультете... — не это определенно

меня забавляло.

-На юридическом!

-Не-е-е...

-Хорошо, учительницей будешь...

-Не-е-е...

Место освободилось и рядом села Оля. Она слегка меня дернула за рукав и тихо спросила:

-Ты знаешь кто это?

-Какой-то Юра!

-Это Юра Кацнальбоген, режиссер из Театра классики. Ну, помнишь, когда я брала интервью у Горбушина, я ж тебе рассказывала. Этот Кацнальбоген приперся тогда. Они друзья большие с Лешей, — быстро зашептала сестра на ухо. — Спрашивай его о чем-то, не тормози!

Конечно же, я помнила, как Оля долго рассказывала о своем неприятном, тягостном впечатлении после знакомства с этим Юрой. Тогда я не могла понять, почему он произвел на нее такое большое впечатление. Однажды в Театре классики Оля подвела меня к фотографиям труппы театра, отыскав фото Кацнальбогена, громко воскликнула: "Правда, неприятный тип?" "Да, нормальный..." — равнодушно ответила я, разглядывая черно-белую фоту.

Я неожиданно глупо заулыбалась, показывая на Олю, сказала:

-Это моя сестра — Оля! — а Оле, естественно, показывая на Юру, воскликнула. — Юра!

Довольная, что исполнила свой долг, я тихо наблюдала, как Кацнальбоген улыбаясь и кивая головой, протянул через меня сестре руку (мы сидели возле стенки, то есть по прямой линии), как Оля нагибаясь, сделала тоже самое. Что дальше делать — не знаю? Надо чего-то говорить, только голова совсем не соображает.

-А я в КИСИ учусь, — совершенно не в тему сказал он.

Я ехидно заулыбалась и подумала про себя: "Вот бздун!!! Ну, да ладно!"

-Просто, у меня здесь друзья, так могу часто тут бывать. А ты?

-Нет. Иногда. Бываю тут. Нравится, как Леша поет?

-Ни-че-го-го...

-А помаши ему ручкой.

-Зачем? Он итак знает, что я здесь сижу! — недоумевая, говорил Юра. Его выражение лица резко поменялось, улыбочки куда-то исчезли. Он стал серьезным.

-А Горбушин часто бывает у вас в театре?

У Юры глаза стали круглыми и удивленными.

-Да нет... Редко... А что? Мы с ним, в принципе в одном дворе выросли...

Юрен понял, что я его просекла, но вида не подал. Но как-то это его насторожило, напрягло, что ли и он уже не мог нормально со мной общаться.

-Пошли, потанцуем...

-Пошли...- ответила я и молча пошла впереди Юры.

Как раз начался медляк. Он близко подошел ко мне, а я, чтобы не показаться ему полной дурой обвила его шею руками и нарочно прижалась грудью. Этот ход ему понравился. Юра неожиданно подобрел и пригласил меня в театр на свой спектакль. Оправдываясь, он мне пытался пояснить, что не любит говорить о работе, мол "Я же не знал, что ты знаешь, кто я". А в прочем он был не многословен, танец действовал на него самым возбуждающим образом, и ему было не до разговоров. Он наклонился к моей шее, стал целовать, а руки опускались все ниже, ниже, ниже, движения становились порывистыми, полными страсти и желания. Меня жутко прикалывала эта его лихорадочная возбужденность. В голове творился полный хаос... Я хорошо запомнила свежий аромат его одеколона... Но вскоре меня прошибла неприятная мысль: "А ведь у него дома, наверняка, жена, дети плачут... А он тут молодится! Что, если спросить, как твоя супруга? Какая будет реакция? Хотя обручального кольца не видела". Наконец Юра зашел настолько далеко, что, я, взбесившись от злости, не говоря ни слова, круто развернулась и пошла от него. Мне было начхать, на то, что он подумает! Абсолютно все равно! "Да и пусть ему будет также неприятно, как и мне!" Но Юра поплелся за мной. "Чего он привязался? Какой жуткий тип! Надо его отшить!" — решила я. Через несколько минут он, к моему великому счастью, куда-то ушел, вроде к Леше, твердо пообещав вернуться.

-Ну, как? Как он тебе? — с улыбкой спрашивала Оля.

-Да ну-у... — недовольно сморщив нос и состроив кислую мину, ответила я.

-Что ну-у? Приставал?

Я промолчала.

-Так ты его про театр пораспрашивай, он и поостынет! — советовала сестра.

-Да ну его к черту! Пошли лучше домой.

Так мы и ушли, не дождавшись Юры, а можно даже сказать, бежали от него. На улице было холодно, но классно — свежо. Вокруг уже серело... На больших круглых часах возле парадного входа в кинотеатр жирные, черные стрелки показывали без пятнадцати пять. Мы пошли домой пешком. Да, ночью и совсем одни, шли где-то целый час. Нам было совсем не страшно, а наоборот — как-то радостно, все-таки неплохо повисели в клубе, шли и со смехом обменивались впечатлениями, прикалывались над всем, что приключилось с нами в этот вечер. Помню, наш переход через Рыбальский мост. Под ногами хрустели неизмеримые, толстые массы свежего снега, ноги увязали во всем этом, силы были на последнем исходе. Над нами холодным, ярким светом горела круглая луна. Небо было темно-синим, местами с растянутыми серыми прожилками. Внизу чернела вода. И такая особая сонная городская тишина... В этом была определенная романтика, авантюра. Но у меня почему-то было погано на душе. И я понимала, что это из-за Юры, однако в чем проблема, четко сказать не могла.

Когда мы пришли домой, я с превеликим удовольствием завалилась в любимую теплую кровать и моментально уснула самым блаженным, спокойным во всем мире сном. В эту ночь мне ничего не снилось. Лишь черная пустота...

Театральный вечер

III

Надо признать, мне было приятно, что на меня обратил внимание режиссер Юра Кацнальбоген, а не хрен какой-то. Это польстило моему самолюбию, но как-то все глупо получилось. Когда я рассказала Оле о том, что Юра пригласил нас к себе на спектакль, она решила — пойдём, во что бы то ни стало. Как она меня уговаривала пойти в театр! Мы ведь с ней были заядлыми театралками. Я протестовала, упиралась, потому что знала, как это глупо будет выглядеть. Слышишь, с клуба сбежала, а тут нате-с. Хотя с другой стороны, что я теряю? Ведь ничего. А интересно посмотреть ему в глаза...

Этот день я практически весь провела в библиотеке, готовилась к экзамену! Когда на часах было без пяти шесть, вернулась домой.

Оля сидела на диване в детской, уставившись в какую-то книжку. Когда я вошла в комнату, она прискорбно посмотрела на меня и отвернулась.

-Ладно, поехали... — решительно сказала я.

И надо было видеть, как неимоверно быстро и воодушевлено мы собрались, даже покушать успели. Добежали до метро за пять минут, доехали до Левобережной за полчаса, хотя раньше на это все, как минимум нужен был час. Я ехала с замиранием сердца, заранее настраивая себя на конфузную встречу.

-Он ждет нас... Конечно, если пригласил, — уверяла меня Оля, в ответ я глупо улыбалась.

-Наивная... Да он забыл о нас тысячу раз!

— Ну и хорошо. Просто скажем, что мы к Юре Кацнальбогену и че не пустят?— не унывала Оля.

Дело в том, что Юра мне сказал приходить в театр в полседьмого, обещал ждать и провести нас. А сейчас было без десяти семь... Ситуация, конечно же, конфузнейшая и принеприятнейшая. Но делать было нечего? Мы всегда придерживались такого правила — сделал шаг, иди до конца, чтобы ни случилось и не ожидало впереди.

В тот вечер возле театра толпилось очень много людей. Машины заняли почти все свободные парковочные места. Красивые, модные, дорогие, в их хорошо вымытых окнах блестел свет, разливающийся из театра. От этого они выглядели еще красивее и дороже. Помещение театра величественно возвышалось над ними, гостеприимно проглатывая очередную порцию зрителей.

-Мы к Юрию Кацнальбогену... — еле живым голосом сказала я билетерше, которая стояла возле входа.

В вестибюле было полно людей, они шевелились, ходили... Шум, гам, неповторимая предспектакальная суета. Что-то радостное и тревожное витало здесь.

-Эй, Лен... Тут к Кацнальбогену пришли! — громко крикнула билетерша, я неприятно поморщилась и замерла. Ее голос затерялся в шумном вестибюле, но мне показалось, его слышали все.

Молодая, высокая женщина, с белым бейджиком на груди, подошла к нам. Я успела прочесть надпись: "Елена Владимировна Культяпова — главный администратор

Театра классики". Мы объяснили ей, чего мы сюда пришли.

— Подождите здесь! — недовольно разглядывая нас, холодно сказала она. — Сейчас я его позову.

Внутри что-то упало, громадный ком застрял в горле. Еще чуть-чуть я бы крикнула: "Не надо никого звать! Я сейчас уйду!" Но рядом была Оля, она схватила меня за рукав и крепко держала. Я рассеянно оглядывалась по сторонам, в поисках непонятого спасения. И неожиданно увидела свое отражение в громадном во всю стену зеркале. На меня смотрела бледная, с большими перепуганными, глазами девушка. Какой у меня, все-таки был жалкий вид, словно я пришла о чем-то просить!

-Вон он! И вырядился же, как чмо... Посмотри какой голяра! Ха-ха в спортивных штанах... — шептала мне на ухо Оля. Ей, похоже, было весело.

В том же зеркале я увидела отражение Юры. Сегодня он был одет еще более нелепо, чем тогда в клубе. Зеленая жилетка и широкие спортивные штаны. Юра, мило улыбаясь, стоял на лестнице с какой-то молоденькой девушкой и о чем-то живенько разговаривал. "Настоящий голяра! Наверное, он такой же режиссер..." — злобно размышляла я. Наконец они радушно расцеловались и расстались. Потом вместе с администраторшей он направился к нам.

-Ну, где эти? — громко спросила Кулятьпова у билетерши, та показала на нас рукой.

О, как хорошо я запомнила, как Кацнальбоген шел улыбаясь, и вдруг заметив нас, его улыбка обернулась не то в испуг, не то в страх, растерянность и жалость. Не надо быть психологом, чтобы понять, как неудобно, неприятно ему было видеть меня здесь за четыре минуты до начала спектакля. Как он сожалел и раскаивался, что позволил себе такую глупость в клубе. Он, наверняка, уже был твердо уверен, что никогда в жизни меня не увидит. А тут такой сюрприз!

-Да это ко мне... — заторможено объявил Юра.

-Здрасте... Ничего, что мы так поздно? — холодно, глядя прямо ему в глаза, спросила я.

-Да нет... Ничего... Там, вроде бы, ничего еще не начинается... — пытаюсь улыбнуться, ответил Кацнальбоген.

-А... Вы нас еще помните? — с подколкой спросила Оля, при этом наивно улыбаясь.

Юра несколько минут стоял в раздумии, по-видимому, он был настолько шокирован, что поначалу смысл слов не дошел до него. Потом он радостно рассмеялся и воскликнул:

-Конечно, помню! Конечно, помню тех, кого приглашаю к себе не спектакль! Да вы раздевайтесь!

Мы послушно пошли к гардеробу сдавать свои вещи. В это время я видела, как Юра неистово крутился по сторонам. Оля дернула меня за рукав и нервно прошептала на ухо: "Я что ли за тебя должна глазки строить?" Я окончательно потерялась. Пока мы раздевались, Юра совсем незаметно скрылся в неизвестном направлении. Людей в вестибюле практически не осталось, мы стояли, по середине одни. Вот она — конфузная

ситуация.

-Во гад! Сбежал! — подытожила Оля.

К нам подошла женщина в красной кофточке с программкой спектакля в руках:

-Девочки, а вы, почему в зал не заходите? Покажите ваши билеты?

-Да мы к Юрию Кацнальбогену пришли... — оправдывалась я.

-Так, что он вам контрамарку дать не мог? Заходите сюда... Тут, по-моему, есть два свободных стульчика.

Она завела нас в партер, зал был заполнен до отказа. В проходе стояло два синих пластмассовых стульчика, поставленных, по-видимому, чьей-то заботливой рукой для таких, как мы. Ничего не оставалось, как занять предложенные места и чувствовать себя при этом полностью униженными. Неожиданно я поняла — а ведь действительно так получилось, что я пришла что-то просить. На душе стало совсем погано, сердце неприятно замирало. Ну, черт с ним! Чего только в моей жизни дерьмого не бывает?

Спектакль начался... На маленькой сцене, украшенные дешевенькими декорациями, в виде многочисленных дверей, ветхой лестницы, увитой искусственными цветами, появилась актриса в вишневом платье с широкой, длинной юбкой. Зал замер. Она смешно, по-театральному, манерно заговорила, но фишка в том и была, чтобы она так говорила. Сам спектакль был о театре, о том как какая-то провинциальная труппа готовит премьерный спектакль о... опять же таки о театральной жизни. Было весело, забавно, смешно, наконец. И я как-то быстро вырубилась из реальной жизни и полностью ушла в спектакль. Много смеялась, громко аплодировала. Помню, как после одной из первых мизансцен я оглянулась и увидела возле дверей, у входа в зал, какого-то мужчину. Я жутко перепугалась, мне показалось, что вот он сейчас подойдет ко мне и крикнет: "Да, что ж это такое, почему вы заняли мое место? Эти стульчики поставлены специально для меня!" Я съежилась и только потом заметила у него в руках микрофон. "А-а-а... Да он актер, наверное..." — промелькнуло в голове. Действительно, он решительно прошел мимо меня и Оли к сцене, а потом так громко и внезапно, на все горло, как закричит: "Стоп!!! Никуда не годится! Что это такое? Давайте еще раз эту мизансцену!" Я видела, как Оля от этого выкрика неожиданности нервно подпрыгнула и рука ее повисла на груди... Ха-ха! Это был на самом деле персонаж режиссера.

Кроме забавного во всем этом театральном действе, чувствовалась какой-то горечь. Ну, как в жизни. Но в тоже время все такое ненастоящие... Как воспоминания о чем-то неприятном. Со временем они кажутся не такими уж неприятными, а даже нелепо смешными.

А еще музыка была прикольная. Юра сюда даже одну из песенок репера Эминема вплел. "I'm Slim Shady... Please stand up, please stand up, please stand up" YES! Это было круто! Я сразу просекла, что он к нему не равнодушен!

После спектакля у меня было особое чувство, восторженное, казалось, что я все могу... Оно возникает тогда, когда видишь что-то талантливое и красивое!

"Я его больше никогда не увижу! Так, что теперь мне все равно! У него, действительно, талант... Так нас бросил! Трус!" — путались рваные мысли в голове, когда мы ехали в метро, возвращаясь домой. За окном мерцал красивый, светящийся миллионами огней, Киев. И мне показалась, что жизнь не такая уж отвратная штука.

Дежавю

IV

Уже прошло больше трех недель, с тех пор, как я записала интервью с Горбушиным. Оно давно было написано, сто раз вычитано, только в печать. Но отвезти в редакцию его я никак не могла. Дело в том, что Горбушин уехал в Москву, а без его священного согласия просто никуда! Во-первых, я пообещала, а во-вторых, был у меня уже печальный опыт с материалом, который пошел в печать без согласия интервьюированной особы. Ох, и получила же я тогда! Просто по самое некуда! Это было интервью с Сашей Ленем, нашим молодым киевским атером. Но об этом чуть позже.

Я достала жену Горбушина своими бесконечными звонками. Наконец, мы решили, как только он приедет в Киев, то непременно перезвонит мне сам. Я терпеливо ждала...

И Горбушин позвонил, наконец.

-Ну что там, Каролина? — оглушил меня его мощный бас.

— Материал готов. Только прочитать надо ...

-Ну, давай... Давай встретимся. Сегодня в клубе! Хорошо? В шесть приходи, у меня репетиция!

Когда я уже уходила Оля, полусерьезно, полуприкалываясь сказала.

— Вот встретишь сегодня Кацнальбогена!

-Да ты, что? Не дай Бог! — прямо на ходу возразила я.

Лифт скрыл меня за плотными металлическими дверями, и я не видела лица сестры. Наверное, она смеялась.

На улице почему-то сегодня чувствовался легкий весенний запах, хотя было еще только начало февраля. Такой слабый и нежный. Но я его улавливала отчетливо. От чего было такое ощущение, что у меня внутри все смеется. Да, необъяснимое волнение, которое бывает только весной.

При входе в клуб, я услышала музыку. Громкие удары барабанов просачивались сквозь толстые, серые стены старого кинотеатра. "Значит, он уже там..." — промелькнуло в голове. "И почему я так жутко волнуюсь? Это никуда не годится!" — поднимаясь по темным ступенькам, размышляла я.

В клубе все было, как в день записи интервью: те же разорванные светлые блики от вертящегося шарика бегали по полу, та же полутемнота, полумрак, но только теперь громкая музыка и пение Горбушина. Он исполнял какую-то чувственную песню о несчастном влюбленном.

Тут мой мозг, как долбанет! Я замерла, но не от жалости к несчастному

влюбленному в лирической песне Горбушина, а от шока. Отчетливо помню это состояние полного оцепенения. Дело в том, что буквально в нескольких шагах от меня сидел на высоком стуле, немного сгорбившись, свесив свои длинные, закрученные барашком волосы, с журналом в руке, Саша Лень. Перед глазами моментально всплыла моя позорная статья о нем, в которой я по своей неопытности допустила массу фактических ошибок. Всплыл жуткий телефонный звонок Саши, когда он накричал на меня, мой робкий голос, мои извинения, как я не могла толком объяснить, почему же в моей статье художественного руководителя Театра классики назвали Петром Ивановичем, а не Арнольдом Сильвестровичем, его жуткое недовольство и вычитывания, мой стыд за такую глупость, искренние раскаяние. И вот он здесь! "Ну, все мне конец! Щас он мне покажет! Щас он Лешу известит!" — больно застучало у меня в голове. Но к моему величайшему счастью Лень, словно прилип к журналу и совсем не заметил моего появления. Не помню, как я опустилась на коричневый кожаный диван, который каким-то чудом подполз прямо ко мне.

Тут ждал меня второй сюрприз! Возле дивана стоял старый мотоцикл, такой себе харлей восьмидесятых годов. Я, конечно же, еще в первый раз своего пребывания в клубе обратила на него внимание, и он мне жутко не понравился. Такую старую рухлядь помещать в клубе! Зачем? Так вот на этом древнем харлее восседал в черном кожаном пиджаке собственной персоной Юрий Кацнальбоген! "Черт побери!" Неприятный шок заключался не в том, что я увидела Юру, а в том, что сестра правильно напророчила эту встречу. Юра, по-видимому, давно наблюдал за мной. На его губах застыла тоненькая улыбка, наши взгляды встретились. Был момент, когда я хотела сказать ему: "Здравствуй! Большое спасибо за спектакль! Мне очень понравилось!" Но... Юра неотрывно смотрел на меня, и при этом начал медленно, а потом быстрее-быстрее-быстрее подпрыгивать на мотоцикле, имитируя известные движения. Что за приколы?! Я оторопела. Было противно и совсем не смешно! Но тут мне стало страшно! Какой-то толстый тип, с любопытством разглядывая меня, тяжело опустился рядом со мной на диван. Я ссутулилась и сжалась в комок. "Вот так ситуация! Щас еще этот бык начнет приставать..." — безрадостно думала я.

Юра нетерпеливо встал с мотоцикла, медленно прошелся прямо перед моим носом, не сказав мне ни слова. Саша нетерпеливо откинул свой журнал и устремился прямо ко мне. Я со всей силы втиснулась в диван, но Лень преспокойно, всунув руки в широкие карманы джинсов, прошел мимо и остановился возле дверей. "Похоже, не узнал!" — думала я, несмело разглядывая его большие коричневые круги под глазами, круглое лицо с мертвецки-бледной кожей, мелкие кудряшки волос, высокую, немного ссутуленную фигуру.

-Саш, подожди! Я сейчас тоже иду! — прекратив петь, пробасил в микрофон Горбушин. После этих слов Лень, глупо заулыбался и смешно махнул рукой, мол, врешь ты все.

А Юра в этот момент подошел ко мне и неожиданно предложил:

-Девушка, пошлите с нами...

"Вот это да! И этот не узнает!" Я состроила злобную мину и отрицательно кивнула головой. На языке вертелось: "Так, что, Юра, неужели я так изменилась?" Но еще больше меня поразил Лень! Сладостно улыбаясь и так по-доброму смотря в мою сторону, он делал мне жесты, типо, пошли с нами. Толстяк, с большим мясистым носом, сидевший рядом, недоумевая спросил:

-А почему ты не хочешь идти с нами?

-Мне с Алексеем поговорить надо! — важно ответила я, при этом, нагло разглядывая Кацнальбогена, который уже стоял в проходе дверей.

-А-а-а... Понятно... Я думал, ты просто... на репетицию пришла.

-Не-е-ет...— ехидно растягивая звуки, пытаюсь перекрычать музыку, воскликнула я. Мне хотелось вылить в этих звуках все свое негодование, злость.

Горбушин пел еще минут пятнадцать, я молча слушала его пение, оставшись в полном одиночестве. Рассматривала мотоцикл и его колесо, которое крутилось не переставая. Мне было горько, от обиды даже в горле комочки слез застряли. Я нервно проглатывала их и думала: "Это ж надо еще недавно... Каких-то пару недель назад этот Кацнальбоген приставал ко мне... Мы танцевали вот на этом месте, где сейчас так ярко светятся блики солнечного шарика. И вот! Он делает вид, что вообще... Даже не знает, как меня зовут! Неужели уже не помнит?"

-Ты извини, что заставил тебя ждать! — медленно приближаясь ко мне, говорил Горбушин. Он, прикалываясь, но очень почтенно отвесил мне реверанс, от чего мои губы расплзлись в сладостной улыбке:

-Да ничего... Ничего страшного.

"Какой он милый! Надо сказать ему что-то приятное. Типо, вас слушать — одно удовольствие!" — промелькнуло в голове, но я промолчала. "А вдруг Лень уже рассказал ему? А вдруг Кацнальбоген чего наговорил?" Мы вышли из клуба и спустились в кинотеатр, зашли в небольшое кафе. Здесь было шумно, многолюдно, играла громкая музыка, густые облачка сигаретного дыма тучно висели под потолком.

-Вешай сюда свое пальто. Давай здесь сядем, Каролина! — командовал Горбушин.

Я молча повиновалась и наблюдала за тем, как за соседним столиком сидели Кацнальбоген, Лень, толстяк с мясистым носом, еще пару человек и о чем-то весело говорили. На их столике возвышалось несколько бутылок пива, с изогнутыми боками, пару дымящихся чашек черного кофе. Когда мы вошли с Горбушиным, Юра вопросительно посмотрел на меня и моментально отвернулся, потягивая из белой чашечки кофе. Больше он даже не поворачивался в мою сторону, словно меня и не было. Я видела, как он широко размахивая руками, неожиданно вскочил со стула, стал на колени, сложив руки, и громко прокричал:

-Да вот именно так! Именно!

-Не-ет... Ты что? — спорили с ним голоса. — Не так!

-Ну, доставай! — пробасил Горбушин, закуривая сигарету "Davidoff".

Я втянула в себя приятный сигаретный дым, мне жутко захотелось покурить сейчас.

Пока Горбушин внимательно вчитывался в каждое написанное мной слово, я изучала его стильный прикид — белый гольф, пальтишко пепельного оттенка, толстое серебряное кольцо на безымянном пальце правой руки с непонятными, но красивыми иероглифами. Во всем его облике чувствовался достаток, продвинутость, самореализованность. Легкая зависть закралась в мою душу: "Ему хорошо, он всего добился в жизни!"

-Слушай, вот этот момент, где я говорю, что долгое время пил и что у меня даже была белая горячка, видения, что я двери открывал из-за глюченных звонков, давай уберем. Нет, ты пойми, я не стесняюсь этого! Просто рассказывал это уже сто раз! Нытье какое-то получается!

Я безропотно киваю головой.

-А напиши, кто играет в новом спектакле О. М. Это же важно! Значит, я тебе сейчас вот тут начеркну, — при этом Горбушин останавливается и задумывается. — А как правильно Олексей или Алексей?

-Ну, конечно же, Алексей! — радостно восклицаю я.

-Ой, ну да, да... — немного оробев, заключает Горбушин. — Я такой безграмотный. Безграмотный!

Тут его окончательно сбивает Саша, своим возгласом:

-Леша, да ты сначала прочитай, а потом что-то пиши!

Я смотрю на Леня жалостливо и перепугано: "Не надо! Я же извинилась! Чего еще?". Он ловит мой прискорбный взгляд, вскакивает из-за столика и начинает нервно расхаживать взад и вперед. "Ну, все Каролина! Сейчас ты выгребешь за все!" — я молча созерцаю, как Леня, засунув руки в карманы джинсов и низко опустив голову, нервно расхаживает по кафе, как неприкаянный. Похоже, кроме меня, никого не удивляет его поведение. Он не подходит ко мне, даже больше ничего не говорит, но лицо его злое, злое.

Горбушин после некоторого смятения вновь продолжает читать:

-Вот напиши, что в клуб "АК" обязательно приедет О.М. Обязательно! Мы с ним еще споем здесь.

-Д-а-а? А вы позвоните мне, когда он приедет?

-Конечно! — по-доброму обещает мне Алексей, от чего я просто готова его расцеловать. — Ты — девушка честная! Меня столько ждала! Спасибо тебе! Все хорошо получилось! — прощаясь, говорит Горбушин, и я вижу, как Юра, Саша, толстяк с мясистым носом и еще пару человек смотрят на нас и почему-то весело смеются.

"Чего смеетесь?" — я конфужусь, Леше тоже от чего-то становится неудобно, и мы стараемся поскорее расстаться.

Прежде чем ехать домой, я несколько минут постояла возле кинотеатра. Казалось, что вот-вот должен выйти за мной Юра, нет выбежать. Мы будем долго говорить, ведь мне хочется ему многое сказать, так много! Но-о-о он не выходит, я стою одна и понимаю, что ничего, ничего больше быть не может! Все кончено! Сердце ное-е-ет..."Сейчас Саша, наверное, рассказывает об этой проклятой статье! Они весело ржут!

У Горбушина лицо становится злым, губы искривляет презренная улыбка! Юра смеется громко и пронзительно! Все, все смеются надо мной! Ну, и смейтесь! Смейтесь! Смейтесь!" Горящие щеки остужает холодный воздух, а ветер нещадно тербит мои волосы. "Нет! Совсем не весна, до весны! О, до весны так далеко!" — горько заключаю я, а с неба мелкими комочками начинает крошиться снег.

Что-то влекло, тянуло меня в Театр классики. Мы купили билеты на один из спектаклей Юры и пошли. Я лгала себе, что просто хочу увидеть его спектакль, посмотреть, как он работает, что у него получается, что я просто люблю театр. На самом же деле, лишь искала встречи с ним. "Вдруг он будет в театре. Увидит, подойдет и все, все будет нормально!" — наивно размышляла я. Действительно, он был в театре. После спектакля, когда Оля решила написать пару слов в книге зрительских отзывов, я увидела, как буквально в пяти шагах от меня стоял Кацнальбоген. Он сложил руки на груди и смотрел прямо на нас. Улыбка застыла на его лице, но он не подошел.

Мне стало не по себе, когда я прочитала на желтой странице большую размашистую запись Оли: "Громадное спасибо всем! В особенности Юрию Кацнальбогену! Нам очень понравилось! Пока!" Только тогда в сердце больно провило — все влюбилась!

Особое чувство

V

Похоже, то, что я тогда испытывала, называется словом "влюбилась"... Хотя это чувство совсем не было похоже на прежние мои влюбленности. И поэтому довольно долго я никак не могла понять, что же со мной происходит.

В университете уже давно начались занятия. Мне было тяжело вливаться в прежнюю студенческую жизнь после каникул. Хотя я и ходила почти на все пары, но словно там не присутствовала. Восемьдесят минут лекции или семинара превращались в ад. И я неотрывно следила за стрелками часов: "Вот они сдвинулась на пять, десять, пятнадцать, двадцать минут... Интересно, а что сейчас делает Юра?" Повсюду он меня преследовал. Это превратилось в какую-то навязчивую мысль, которая тревожила меня постоянно, на болезнь что ли это было похоже?

Я совсем не думала о том, что он бросил меня в театре, что не поздоровался в клубе... Ну, не мог он со мной поздороваться при друзьях... А в театре, кто-то позвал его... Он потом вернулся, а нас не было. Да и на самом деле, он растерялся в тот вечер, потому что мы пришли поздно, и он не знал, куда нас посадить. Это все отошло на второй план. Бывали такие минуты, когда мне даже начинало казаться, что он любит меня. Возвращаясь домой, я представляла Юру возле своего подъезда, он ждал меня... Как иной раз больно было! Прекрасно понимала — это все иллюзия... "А может, нет?" — в надежде шептал внутренний голос.

Я затерла до дыр воспоминания о том вечере в "АК". Каждая секунда была восстановлена в моей памяти, каждая интонация, вопрос, взгляд Юры — все... Это было так дорого... Иногда я стыдилась своих чувств и спрашивала себя: "Почему?"

Какая ценность в этих дерьмовых воспоминаниях? Ведь ничего же не было! Не понимаю, что происходит!"... А со мной действительно что-то происходило. Я пыталась контролировать свои мысли — бесполезное занятие, только изводила себя, все рано, что ловить воздух. И каждое утро я просыпалась только с одной мыслью: "А как он? Чего делает? О чем сейчас думает?" Эти мысли, как тоненький червь, протачивали всю мою голову. Насквозь-зь... Иногда мне казалось, что на моей подушке целыми грудями валяются обрывки мыслей о Юре. "Да, что подушка?! Ведь то, что происходит у меня в голове, отражается в моих глазах!" Я пыталась спрятать все это подальше в себя. Да уж, а прятала в сердце...

Я создала в своем воображении совсем другого Юру. Талантливочкого человечка, свободнотого, самостоятельного, где-то даже одинокого и только я одна могла его полюбить, сделать счастливым. С таким Юрой мне было хорошо. Иногда я была счастлива просто от того, что могу все это переживать, чувствовать. Ну и черт с ним, что может, все это не так, ведь мне же хорошо!!!

Иной раз так хотелось рассказать Оле о том, что я чувствую, но я молчала. Мне казалось, как только я произнесу: "Оля, знаешь, я влюбилась!" произойдет что-то нехорошее, мне потом будет стыдно смотреть ей в глаза. Ведь кого я полюбила? Юру!!! За что? Почему? Ну, поприспавал, пригласил в театр, а потом... Это я-то, которая раньше говорила: "Я умею контролировать свои чувства!" Ха-ха-ха! Я начинала понимать фанатов, которые боготворят своих кумиров на расстоянии. Нет, это не сумасшедшие люди! Это несчастные люди, их любовь никогда не будет счастливой. Неужели так будет и со мной?

Однажды наши родственники из другого города прислали нам видеокассету с записью свадьбы моего двоюродного брата. Когда я смотрела ее, то иной раз чуть не плакала. Как они счастливы — мой брат и его супруга. Она такая красивая в белоснежном, подвенечном платье с длинной фатой... Мой брат ее любит. Они так красиво венчаются в церкви, они вместе, они любят друг друга... А я? Я так несчастна! Я одинока... Зачем? Почему не может быть иначе? А может все-таки может быть иначе?

Но бредовые, сумасшедшие мечты как морфий замораживали тупую боль. Я отдавала им свой мозг целиком. Все становилось нереальным, мне виделось все, что хотелось, куда завлекала безграничная фантазия. О да, виделось даже такое! Я в белом свадебном платье с необъятно пышной юбкой, с красивым декольте. На шее миллионами красивых огонечков переливается кольцо, а в руках у меня громадные, красные розы. У нас с Юрой свадьба. Мы венчаемся во Владимирском соборе. Отчетливо перед глазами проплывал ярко-желтый блеск свечей, красная узорчатая дорожка, по которой мы идем с Юрой к алтарю, священник в золотистой рясе, мама, папа, сестра счастливые и веселые... Господи! До чего я дошла? Но... Почему так не может быть? Почему я так страдаю? Ведь я была бы хорошей женой, я бы так его любила, во всем поддерживала! Мы были бы так счастливы! Он и я! У нас были бы дети! Господи, до чего я дошла? Что со мной? Схожу с ума!!! Я закусывала губу от

злости чуть не до крови: "Бред! Бред! Чушь! Чего я кисну? Он подонок, не достоин меня...."

Но в следующую минуту я опять думала о нем, и черт знает еще какую чушь, которая порой даже не имела четких форм для пересказа, но и без того было ясно — чушь. Такая сладкая, тягучая, вязкая. Даже не вязкая, все вместе, навязчивая, противная. Бредовая паутина опутала меня всю и каким-то чудом особенно прочно внутри меня наплелась, накрутилась... Я дошла до такого состояния, когда уже не могла невинно радоваться, напевая о своем переживании: "Мне никогда не было еще так хорошо, мне никогда еще не было так плохо. И так сладко, и так горько. И это только начало! Так каким же веселым будет конец?!" Да уж, а конец обещал быть совсем не веселым. Я измучалась совершенно, не знала, что сделать, чтобы стряхнуть с себя весь этот бред, который настолько прочно завладел моим сознанием. Сил не было никаких... А между тем я жила себе, вроде как и прежде, смеялась, разговаривала о всякой ерунде с разными людьми, родителям по вечерам улыбалась и говорила, что у меня все хорошо. Да, должно быть с виду это казалось нормальной, обычной моей жизнью. Но на самом деле, я гибла. И уже настал тот момент, когда я буквально физически стала чувствовать, как я гибну, словно тону в вязкой болотной трясине.

Однажды с друзьями на одном из пати я напилась и накурилась до тошноты. В тот вечер я потребила много всякого дерьма, лишь бы забыться. В голове царил неимоверная, большая боль и сплошной хаос. Ха, забылась! Да, поначалу было хорошо, но потом ночью, когда я осталась вновь наедине с собой, никак не могла уснуть. "Убитая любовь-вь! Убитая любовь-вь!" — пел голос внутри песню "Агаты", моей любимой рок-группы. В голове летали и звенели яркие звездочки, трук-тук-трук! Звенели они! Я ворочалась с бока на бок. Перед глазами стоял образ Юры. Он не оставлял меня в покое даже сейчас.

-Что не можешь спать? — тихо спросила Оля, — Ой, у меня тоже башка раскалывается...

Я накрыла голову подушкой и сама не знаю, каким образом слабо, но с таким отчаянием и болью простионала:

-Оля, я люблю Юру... Надо что-то делать. Я его очень, очень люблю, — я замерла в ожидании реакции сестры. Она несколько секунд молчала, а потом просто сожалеющие протянула:

— Н-да...

— Посоветуй, что делать! Ведь надо что-то делать. Я люблю его! Да банально, да! Я не могу больше...

Я видела в темноте комнаты, как сестра встала с кровати, подошла к столику и зажгла свет. Он больно резал мне глаза, я недовольно прикрыла их рукой, но потом незаметно привыкла. Мне отчетливо запомнились удивленное лицо Оли, она просто недоумевала. Да, действительно, наверное, ей сложно было понять меня. У нее был парень, они вроде как любили друг друга, были вместе... На секунду я засомневалась, поймет ли она меня, поможет ли. Необыкновенная волна страха окатила мою

спину, по ней поползли холодные мурашки. Оля единственный человек, к которому я могла обратиться со своей болью. Если она не поможет, то кто?!

-Как ты можешь его любить, если он с тобой так поступил? Выкинь его из головы! Он же — подонок!

-Не могу! — опершись на стенку, досадовала я. — Пробовала... Не могу его забыть....

-Слушай, давай мы ему письмо напишем! — после некоторого молчания предложила Оля.

-Давай... — дрожа от возбуждения, согласилась я, и на бумагу под диктовку Оли полились такие строки:

"Здравствуйте, Юрий Дмитриевич!

Мое письмо к вам не просто так и, может быть, вы посчитаете его глупым, но я надеюсь, все же, что вы его прочтаете. На самом деле, было нелегко решиться его написать. Вы меня уже, наверное, не помните, а я вас так даже очень хорошо. Конечно, вы не помните ваших подпрыгиваний на мотыке в "АК" (мы долго спорили с Олей на счет этой строчки, все же она меня уговорила, что ее просто необходимо написать) Ну, для чего тянуть? Вы мне нравитесь и даже очень, и можно так сказать, я вас даже люблю. (Тут пошла совершеннейшая чушь, выдумка, фантазия Оли). И люблю уже очень давно. Я хожу на все ваши спектакли, они мне так нравятся! Только вы не подумайте, что люблю вас за то, что вы — режиссер. Просто писать, что люблю вас, как мужчину, мне как-то неловко, еще не поймете. А вообще я вас жутко стесняюсь, вы — такой серьезный и строгий. Я часто встречала вас в театре, в клубе "АК", но подойти не осмеливалась, потому что взгляд у вас... Ну, мурашки по коже бегают! (и это правда, а не дешевая фраза!) В тот вечер (празднования трехлетия "АК") я выпила немножко, и тут я увидела вас, вы сидели и слушали, как поет Леша Горбушин. У меня сердце так и забилося, а тут еще сестра (она знает о моей слабости), говорит: "Ну, что же ты? Давай!" А рядом с вами свободный стульчик был. Ну, я и подседа. Вы так сразу заулыбались радушно! Если бы вы знали, как я обрадовалась тогда. Мы познакомились, но на самом деле, были знакомы раньше, просто вы меня, наверное, забыли (в каком-то кафе нас представил Леша). Но так, как вы думали, что я вас не знаю, то начали мне гнать какую-то пургу, что учились в КИСИ и все такое. Я, конечно, понимаю знаменитым быть тяжело. А потом мы пошли с вами танцевать..."

Дальше шла подобная пурга в этом же роде. Мы писали, писали и смеялись, просто заливались смехом... Это было похоже на большой прикол, но никак не на любовное признание, его просто не возможно было серьёзно воспринимать. Да, я и сама иначе об этом не думала. Вообще в тот момент, когда мы писали наше послание, было жутко весело, дрожь пробирала мое тело от возбуждения, от того, что это все будет читать Юра! Хотя я совсем не хотела относить это письмо! Хотелось, чтобы каким-то чудом он все сам узнал, только не через меня! И как хотелось, ему досадить, напомнить о себе!

На следующий день мы все-таки отвезли это письмо в театр и оставили его на

проходной с большой надписью зеленым маркером "Юрию Кацнальбогену". Я упиралась, протестовала, спорила с Олей! Но дело было сделано. И я бы отдала душу дьяволу, только лишь бы увидеть, как Юра читал весь бред и узнать, что думал...

Жуткая смерть

VI

Я продолжала жить в этом полу бредовом состоянии влюбленности. Абсолютно ничего не менялось, а время бесшумно пролетало. Я не видела Юры с последней встречи ни разу, но мысленно он всегда был со мной. Я устала от него, но так же безумно нуждалась в нем, точнее — в его невидимом присутствии. Порой я его начинала ненавидеть. Пару раз даже чуть не поссорилась с Олей из-за того, что она посоветовала мне написать это дурацкое, нелепое письмо. О, как я сожалела, что написала его и что отнесла его, и главное — Юра его прочел. Ну, теперь все, между нами точно ничего уже не может быть. Да, я со стыда сгорю, когда увижу его глаза после этой сумасшедшей выходки! Так я жила в крайнем душевном дискомфорте, с постоянными муками, сомнениями, переживаниями. Но это все было сущими пустяками по сравнению с той жуткой катастрофой, которая случилась весной...

Мы были на даче. После тяжелого трудового дня (мы сажали картошку) я включила в машине радио, расслабилась, слушая музыку. Внезапно подошла Оля.

-Слушай, тут мама сказала, что надо сходить за молоком! (Мы покупали у селян молоко, и каждый вечер пребывания на даче я с Олей по очереди ходили за ним). Ты пойдешь, поняла?

Я сильно устала за целый день и была крайне раздражена. Этот неприятный тон сестры мне жутко не понравился, я неожиданно для самой себя вспыхнула, разозлилась и громко закричала:

-Ты пойдешь! Почему я? Сколько можно на мне ездить? А?

-Что значит ездить? Ты в своем уме! Ты меня достала! — точно так же громко закричала Оля.

Мое лицо исказила злоба:

-Ты... Ты... — шипела я. — А кто в последний раз ходил? Ведь я! Так, что, ты должна идти! И пойдешь! Ты, блядь...

-Ты, что дура? Чего матюкаешься, вон папа стоит! — рукой показывала мне Оля в окно и крутила пальцем возле виска. — Истеричка, с тобой, вообще лучше не разговаривать! У тебя с нервами не все в порядке!

Я немного притихла, но мое негодование и злость выплескивались через край. Я ненавидела ее в эту минуту люто. Готова была даже убить! Как это так? Ведь это же не честно! Ведь я же ходила в прошлый раз! Так чего она пристаёт? Иногда такие минуты случаются. Случаются даже между двумя самыми близкими и родными людьми. Мы с Олей тому не исключение.

-Чего ты от меня хочешь? А? — через несколько минут вопила я. — Когда ты меня просишь, я тебя слушаю. Но подожди, ты только ко мне обратишься, и я тебе... такое устрою! Чтоб ты сдохла! — крикнула я в конце. Но это было неосознанно, и сказано

просто так... на ветер.

Оля надулась, ушла. Я видела, как за забором мелькнула ее голубая куртка с красной сумкой на плече. Я отчетливо это видела, хотя уже серело. Воздух становился мутновато-черным, опускалась ночь... Сизый туман заволакивал свежевспаханную землю. Он простирался длинным облаком по полю, сырость и мрак исходили от него. Но я видела ее голубую куртку за просвечивающей сеткой. О, боже! Как я жестока, как не права, похоже нервы сдают... Я громко включила радио, чтобы подальше отогнать неприятные размышления.

Из радиоприемника полились знакомые аккорды. "О! "Агата" — радостно подумала я. Неповторимый голос Глеба Самойлова, любимая мелодия. Я тихо запела вместе с ним:

Убитая любовь...

В театре мертвецов...

На улице с каждой минутой становилось темнее и темнее, но еще были видны высокие, черные силуэты деревьев-великанов вдалеке. Они грозно возвышались и без конца раскачивали в разные стороны длинными прутьями-ветками, словно необъятных размеров паук шевелил щупальцами. Я смотрела на эти ветки, как замороженная.

-А Оля еще не пришла? — проходя мимо машины, спросила мама. — Уже поздно! Пора бы ей вернуться...

-Не знаю... — растерянно ответила я и продолжала беззаботно слушать музыку.

Неожиданно раздался нечеловеческий крик! "А-а-а-у! Помогите-те-те!" Такой громкий и пронзительный, он оглушил меня. Ошарашил. Он ворвался в машину, моментально перекрыл музыку... Мне стало страшно, больно... Сердце подпрыгнуло и заныло. Я с болью узнала звук этого голоса...

-Что случилось? — выпрыгнув с машины, спросила я у мамы.

Мама была перепугана не меньше моего. Крик повторился, еще и еще. Он стал громче, потом затих, словно его и не было.

-Это Оля! Боже!

Мы все втроем ринулись на крик. Уже не помню как, в одних тапках, я очутилась на мокрой, сырой дороге. Нервно оглядываясь по сторонам, я искала то место, откуда он мог идти. Темнота выплонула серый силуэт папы, он так же растерянно глядел по сторонам. Мама плакала и без конца звала Олю. А мне виделось в темноте ее перепуганное лицо, с ней что-то случилось! Я это знала, мое сердце противно ныло: "Она умерла..." А может, нет. Только кажется, просто мы очень перепуганы. Ведь не может небо быть таким жестоким! За что? Она же так молода...

Мы нашли тело Оли с перерезанным горлом далеко в поле... Какой-то глупый, совершенно нелепый случай... Через три дня словили убийцу. Ее убил пьяный сумасшедший. Просто так. Все не могу! Я рыдаю от этих воспоминаний. Он сейчас живой, в психушке...

И теперь я слишком хорошо знаю, каким бывает беспощадным серое, весеннее небо, какой безнадежно черной свежевспаханная земля, каким горьким воздух и каким

бесконечно пустым этот мир! А на душе — невыразимый немой крик. Господи, крик! Если бы ты знал, сколько раз по ночам он мне снился! Казалось, он разрывает мне грудь, но сама я кричать не могла. Мне все чудилось, что эта жуткая смерть случилась из-за меня. Я, я должна была быть на ее месте!!! Судьба-то какая у меня! Господи, ведь я крикнула ей "Чтоб ты сдохла!" Мы с ней поссорились! Как такое могло случиться?! Какой-то невероятный, сумасшедший кошмар!

Как сейчас помню это слезоточивое, дождливое весеннее утро, когда к нам прибежал селянин в большой черной кепке и, задыхаясь, прокричал:

-Там... Там тело...Это! Это...

Это была она. О Господи...

Минута отчаянья

VII

С тех пор, как умерла Оля, меня начали преследовать неприятности. Моя жизнь превратилась в настоящий кошмар. У меня было такое ощущение, что я иду по этой жизни, как по выжженному черному полю, вокруг никого, только прогорклый воздух. Горечь, боль — все, что я тогда чувствовала.

Я ничего толком не могла сделать в этой жизни, чтобы что-то изменить. Занятия в университете меня совсем не занимали, проходили сквозь меня. Там все болезненно напоминало о сестре, и я цепенела от этих мучительных воспоминаний. Мои статьи в "КВ" перестали выходить, мне долго не платили денег за то, что я успела сделать. Мои попытки найти себе постоянную работу, закончились парой гниющих ссадин в сердце и полнейшим неверием в справедливость. Никакой радости в жизни не было и представить себе, что могло бы, было просто невероятно... Сплошная депрессия, апатия... Я потеряла самого дорого для меня человека и еще все это дерьмо... Возможно ли, передать словами то, что я испытывала, переживала тогда?! Сказать, что мне казалось, что мир рушится, летит непонятно куда или это я падаю головой вниз и никак не могу упасть — это все равно, что ничего не сказать.

Продолжала ли я любить Юру? Да... Несмотря ни на что я думала о нем, но уже не так, как прежде. Мне просто казалось, что он — единственное светлое пятно в моей теперешней жизни. Я давно его не видела и его образ начал стираться в моей голове. Мне не хватало его. Я с тоской подходила к желто-черным афишам Театра классики, смотрела, изучала их и думала о том, что вот во вторник или, скажем, в среду, в воскресенье у Юры спектакль. Он обязательно должен быть в этот день в театре... Воспоминания не радовали, они мучили, но забыть я ничего не могла, да и не хотела.

Как-то после очередных неприятностей и с жутким настроением я вернулась домой. Мне было так плохо! Я вытянула из стола белый листок и начала писать, чтобы хоть как-то облегчить себе душу. Что я писала??? Второе любовное послание Юре! Но на этот раз это были далеко не шутки...

Здравствуй Юра!

Ты прости, что я опять докучаю и напоминаю о себе. Все, что я писала тебе в предыдущем письме, это правда, в смысле, что я тебя люблю. Мне просто необходимо с

кем-то поговорить, мне плохо, очень. Я вообще не понимаю, зачем живу... Я потеряла сестру, единственного человека... Господи... Меня ничего не радует, я чувствую, как потихоньку умираю... Я знаю у тебя куча своих проблем, а тут еще я нагружаю! Но я думаю о тебе... Тут у меня недавно такая радость была, просто узнала, что твой спектакль номинируется на театральную премию "Театр". Я так хочу, чтоб ты ее получил! Ты достоин ее! Ты такой талантливый! Ты даже представить не можешь, как я рада за тебя. Слушай, Юра, меня постоянно мучает один вопрос. Неужели тогда, в клубе ты не узнал меня? А зачем тогда эта фраза: "Девушка, пошлите с нами?" Или, зачем ты бросил меня с Олей в театре? Я, конечно, догадываюсь, тебе было неприятно меня видеть... Возможно... а вообще ты смеешься над тем, что к тебе пристала, какая-то дура! Послушай, Юра, я знаю, я — сумасшедшая! Пишу бред! Но... Нам надо встретиться, мне нужно поговорить с тобой. Я, к сожалению, не знаю... О Господи... Зачем, зачем это все? Давай встретимся в этот четверг возле кинотеатра "Октябрь" в три, ровно в три. Я буду ждать тебя. Если не хочешь, просто позвони мне и скажи, я все пойму (567-89-05). Я целую тебя, очень, очень крепко.

Каролина.

(Письмо было залито слезами).

Весь день я прождала звонка Юры. Мне казалось, он должен мне позвонить. Но нет, не позвонил, значит: "Наша встреча состоится. Он не может не прийти. Он не может оставить меня в такую минуту. Он не такой жестокий", — думала я, растерянно собираясь на встречу. В ней для меня сейчас было все. Она значила, что есть правда, есть справедливость и честность...

Юра получил мое письмо, в этом у меня не было сомнений. Когда я оставляла его на проходной, вахтерша, почему-то злобно, глядя мне в глаза, сказала: "Он в театре! Его позвать?" Я запротестовала и просто попросила передать лично ему в руки мое послание.

Я пришла к кинотеатру в два тридцать. Эх, "Октябрь"! Те же узкие, вымощенные камнем дорожки, только чистые, сухие. Деревья вокруг зеленеют, приятный грохот проезжающего рядом трамвая, от которого несколько минут земля гудит. Фонтан пустой, поросший внутри зеленой травой и мхом. Все это почему-то очень дорого, такое родное. Еще несколько месяцев назад мы здесь были вместе с Олей, ходили в клуб, и все таки тогда было прикольно... А теперь ее нет... Она умерла. Здесь я познакомилась с Юрой. Слезы большими тяжелыми гроздьями нависли у меня на глазах. Вернуть бы все, повторить.

А сейчас я жду. Чего? Нет, кого? Юру? А если он не придет, значит, и смысла нет. Стрелки неумолимо двигались, большая черная показывала без десяти три. Сердце в груди бешено застучало. Я ждала. Три, три десять, три двадцать, три тридцать, четыре... Его нет! Небо показалось черно-серым, вокруг все умерло, брызнули первые капли дождя... по щекам покатались невольные слезы. Я ждала, волосы промокли и прилипли ко лбу. Рыдала просто навзрыд... Четыре двадцать... Я увидела красную

телефонную будку, побежала к ней:

-Здравствуйте! Скажите, а... а Юрий Кацнальбоген вчера был в театре?

-Послушайте, девушка, мы не даем такой информации!!! — злобно говорил голос вахтерши Театра классики.

-Я понимаю, понимаю... Подождите... — трогательно лепетала я. — Это важно очень. Он получил, точнее вы передали ему мое письмо? Такое в большом белом конверте. С зеленым маркером. Надпись, надпись зеленым маркером. Скажите, получил? Он получил???— рыдая в трубку, спрашивала я.

-Да-да... Был. Я передала, да! — уже более мягким, но шокированным и удивленным голосом отвечала трубка. — А что?

-Значит, получил... А какая, какая у него была реакция? Вы не видели? — еще жалобнее спрашивала я.

-Ну, знаете! — в трубке раздались длинные гудки, которые больно резанули мне грудь. Я положила трубку: "Значит, получил. Значит, прочел, значит, знал. Но не пришел..." По лбу текли крупные дождевые капли. "Значит, начхать!!! Даже не пришел, чтобы пожалеть, поддержать меня. Ладно, позвонил бы. Разве я о многом просила? Трус!"

Я, как робот шла по Подолу, потом по Андреевскому спуску, а внутри была такая пустота, словно все заморожено. Куда иду? Зачем? Я не знала. Если бы хоть Оля была жива! У меня даже не было сил, чтобы покончить собой. Я ненавидела его! Зачем, я открыла перед этим человек душу? Оголила ее? Он классно ставит спектакли, он талантлив! Вот и все! Но он трус!

Через несколько дней в интернете, как на зло, я нашла интервью с Юрой. Там он с такой любовью рассказывал о своем трехлетнем сынишке и шестилетней дочурке, которая в этом году должна была пойти в школу. О жене отзывался очень сдержанно... Почему я была шокирована? Ведь с первой встречи, чувствовала, что женат. Вся моя любовь к нему обернулась в страшную ненависть. Я ненавидела его так сильно, что начала помышлять о том, чтобы убить его. Даже нож приготовила. Такой большой. В Юре для меня заключалось все зло! Я никак не могла простить ему все те чувства, которые я из-за него пережила.

Эпилог

Некоторое время я лечилась у психиатра. Я не стыжусь этого! Его помощь мне действительно тогда была необходима. Я была на грани. Хотя, что такое грань? Неужели то, что мы начертили в своем мозгу? Это грань? Кто знает, возможно и так... Но однозначно — лучше так, чтобы эта грань нигде и никогда не возникала, а главное в человеческой психике. Тогда я явственно почувствовала, еще шаг и моя психика навсегда станет другой. По-простому говоря, я страшно испугалась, когда поняла, что могу сойти с ума... Навсегда запомнила эту отчаянную борьбу своего сознания! Да, это и есть грань.

Там в палатах с белыми стенами и острым запахом лекарств потихоньку погибло

мое никому не нужное, особое чувство. Это нормально! Это еще, что? Подумаешь какое-то чувство. Так иной раз погибают люди. Их не замечают, они никому не нужны! Они борются, пытаются доказать, верят во что-то, потом надежда угасает, они вянут, уходят в свой собственный мир грез и гибнут, гибнут, гибнут в вязко-слащавой рутине. Глядишь, и человека нет, он уже где-то там.

С тех пор уже много воды утекло. Много в моей жизни переменилось, ушло. Я окончила университет, нашла работу, уехала в другой город, вышла замуж, и лишь изредка приезжаю в родной Киев к родителям. О Юре помню всегда. Невозможно забыть то, что однажды был на грани и чуть не перешагнул ее?! Особенно остро оживают воспоминания, когда приезжаю в Киев, когда иду по Подолу, прихожу к кинотеатру "Октябрь", подолгу сижу возле обезвоженного фонтана, как в тот далекий весенний день ожидания. Там ничего не изменилось... Я вспоминаю те дни, Олю... Плачу горько и долго, немой крик наполняет меня.... Боль притупилась и я уже не сержусь, никого не виню! Все перегорело! Но до сих пор становится не по себе, когда эти воспоминания переполняют меня. Мне неприятно и больно вспоминать о моих любовных признаниях, надеждах, мечтах, соленых слезах, минутах отчаянья и о глупой мысли убийства Юры. Нет, я бы не хотела все вернуть и повторить. Но и менять что-либо я бы тоже не стала. Зачем? Зачем брать на себя непосильное? Жизнь сделает все сама...